

ЧУВСТВО ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Константин СИМОНОВ

Мне хотелось бы поговорить о проявившейся в некоторых выступлениях тенденции противопоставлять чувство ответственности писателей перед обществом необходимости оставаться самим собой.

Мне кажется, что для писателя быть самим собой как раз и значит испытывать чувство ответственности перед людьми, среди которых ты живешь и для которых ты пишешь. И, наоборот, потерять это чувство — значит потерять самого себя или, во всяком случае, потерять самое главное в самом себе.

Мне кажется, что писателям, высокомерно относящимся к человечеству, надо быть последовательными до конца и вообще не выносить свои произведения на суд презираемой ими толпы. В такой позиции будет по крайней мере присутствовать логика и отсутствовать двоедушие.

Мне кажется, что чувство ответственности писателя похоже на чувство ответственности пилота, ведущего огромную, наполненную множеством людей машину от места взлета до места посадки, совпадающих с началом и концом книги.

Я думаю, что пилот самолета не перестает быть самим собой от того, что его сознание отягощено чувством ответственности за физическое, а если мы продолжим метафору и подставим вместо слов

Из выступлений на расширенной сессии руководящего совета Европейского сообщества писателей.

«пилот» и «самолет» слова «писатель» и «книга», то за духовную жизнь людей, которых он взял с собой в рейс.

Я бы, во всяком случае, не хотел сесть в самолет, которым будет управлять человек, считающий, что чувство ответственности перед людьми мешает ему быть самим собой.

Противопоставлять чувство своей писательской ответственности перед людьми желанию оставаться самим собой в сущности значит противопоставлять себя людям.

Возможна ли такая позиция? Очевидно, возможна, но она не вызывает у меня ни понимания, ни уважения, я бы покривил душой, если бы не сказал здесь об этом совершенно прямо.

Я употребил выражение «тягесть ответственности». Да, это именно так — тягесть. Чаше всего немалая. Но не знаю, как кто, а я как писатель никогда не испытывал желания освободиться от этой земной гтяжести, никогда не испытывал радостной потребности почувствовать себя в своей профессии отпущенным на волю воздушным шариком.

Мне всегда казалось, что в литературе любая тягесть ответственности все-таки легче, чем тягесть безответственности. Да, бывает, что от гтяжести ответственности духовно устают. Но от гтяжести

безответственности духовно умирают.

Литература — всего лишь одно из многочисленных человеческих дел. И на тех крутых перевалах, через которые идет и еще будет идти человечество, я как писатель не согласен идти цепочкой других, поднимающихся в гору людей без тяжелого рюкзака за плечами, в который сполна будет положена вся причитающаяся мне мера ответственности.

Литература должна идти ногами по земле, тяжело ступая и испытывая всю силу и все радости земного притяжения. Она должна идти вместе с народом и ощущать себя его неотъемлемой частью. И если некоторые называют это «завербованностью», то я не вижу причин стесняться этого гермина. Да, я против литературы, свободной от ответственности перед человечеством. Я за литературу, завербованную насущными потребностями народа, насущными потребностями человечества, за литературу, отягощенную необходимостью удовлетворить эти потребности.

Я горжусь своей принадлежностью к такой «завербованной» на службу народу литературе и думаю, что я не одинок в своем чувстве и что в каждой из литератур, представленных на нашей встрече, есть много писателей, которых не пугает ярлык «завербованности» и которые не склонны противопоставлять чувство ответственности чувству собственного достоинства.

Драбига, 1963, 8 авг.